

Элеонора Дузе послѣдняя и младшая изъ великихъ. Ристори возвысилась, какъ послѣднее и гордое воплощеніе эпохи паденія Бурбоновъ. Сара Бернаръ расцвѣла во времена республики, какъ отпрыскъ имперіи.

По изъ актрисъ конца прошлаго столѣтія въ одной только Дузе есть искра Божія. Поэтому она и захватываетъ насъ глубже и сильнѣй, чѣмъ кто-либо. По той же причинѣ, несмотря на свой удивительный даръ воспроизведенія, въ своемъ отечествѣ она никогда не могла захватить „большую публику“, а въ чужой странѣ большую аудиторію. Этотъ глубокій пессимизмъ безъ крика и безъ аффектаціи никогда не нойметъ толпа—понять его могутъ только избранные.

Надо посмотреть на Сару Бернаръ. Какъ почти копульсивно она упивается счастьемъ, когда оно приходитъ и въ какое она впадаетъ отчаяніе, когда оно уходитъ. Когда ея упорство противъ ударовъ судьбы кончается въ послѣдней гримасѣ окровавленнаго Пьеро, ея презрѣніе къ людямъ хочетъ вырвать у жизни то короткое наслажденіе, которое она даетъ. Бытіе кажется ей еще настолько цѣннымъ, что она борется за его радости и громко жалуется на его горести.

Посмотримъ на Элеонору Дузе. Она рѣдко упорствуетъ въ борьбѣ, и только въ роли Сантуццы не уступаетъ безъ боя. Избранные не воюютъ. Такъ какъ чѣмъ бороться противъ собственнаго пониманія горя. Избранные не кричатъ. Такъ какъ къ чему крикъ, котораго никто не слышитъ.

Воспроизведеніе горя у Элеоноры Дузе меланхолическое, смертельно грустное размышленіе о горѣ. Сантуцца, деревенская дѣвушка, прислонившись къ стѣнѣ, тупо размышляетъ о страданіяхъ своего сердца, о разбитой жизни. А у Маргариты, какъ и у Магды, совсѣмъ вносанно замолкаютъ чисто физическія страданія сердца, организма. Въ молчаливыхъ рыданіяхъ она вылакала ихъ въ уголокъ. Но на ея лицѣ выражается тогда страданіе: угнетенныя, полныя грусти думы о неизбывно-тяжелой жизни. Эти женщины устали отъ своихъ думъ. Если они встрѣчаютъ любовь, то по большей части плечо мужчине то мѣсто, гдѣ находятъ успокоеніе ихъ головы. Они стали равнодушными отъ меланхолическаго, почти пассивнаго *laisser aller*. Въ Магдѣ можетъ вспыхнуть страсть къ какому нибудь фонъ-Келлеру. Безъ этого у нее только ея грусть и ея насмѣшка,—горькая насмѣшка, которую она бросаетъ мѣщанкамъ родного городка, какъ подавленіе или скорбь какъ кость собакъ. Прежде всего ея грусть. Эта грусть покрываетъ вѣру, надежду и погибшую радость жизни, какъ глубокая бездна моря, которая покрываетъ потонувшія башии.

Если бы годы могли стереть всѣ другіе образы Дузе — одинъ они бы оставили: склонившуюся надъ своей сестрой Магду. Тутъ почти ничего не было сказано, тутъ была только ласковая рука, тянущаяся къ свѣтлымъ волосамъ—но съ какой нѣжностью и съ какой грустью.

Меланхолическая, мечтательная грусть — основная нота искусства Дузе и это почти пассивное душевное состояніе ея геній дѣлаетъ трагическимъ. Но это же самое искусство, которое передаетъ пессимизмъ безъ сопротивленія, безъ надежды, безъ крика—никогда не дѣйствуетъ болѣзненно. Его гармонія, его гордая естественность дѣлаетъ его здоровымъ. Поэтому Дузе даетъ не болѣзненное страданіе, но горькую боль. Всегда больная сама, она вычеркиваетъ болѣзненность изъ своихъ произведеній вездѣ, гдѣ требуетъ роль... она хочетъ быть не жертвой страданія, но его картиной. Жизненные страданія побѣждаются волей,—остается только горе. А воля у Элеоноры Дузе развита какъ ни у кого. Но воля не только дѣла ея искусства. Она также — и это дѣлаетъ ее единственной—орудіе ея искусства. Какъ ни у кого другого, воспроизведеніе Дузе есть непрерывное примѣненіе силы воли, въ которомъ воля и одна только воля подчиняетъ себя тѣло и его преобразуетъ. И эта воля такъ абсолютно подчиняетъ себя матерію, существо и все, что касается существа, такъ глубоко, что всѣ тѣ маленькіе приемы, которые употребляютъ другія актрисы, что бы съ ихъ помощью создать нѣчто цѣлое, для Элеоноры Дузе были бы только преградами, чѣмъ то чуждымъ, что бы ей только мѣшало и дѣлало невозможнымъ абсолютное владычество надъ собой.

Поэтому она не гриммуется, не затигивается, не надѣваетъ париковъ. Она носитъ костюмъ роли; но она оставляетъ свободнымъ свое существо, какъ свободный инструментъ для создающей воли, которая превращаетъ ее изъ Маргариты въ Сантуццу и изъ Сантуццы въ Мирабдолинну. Но для того чтобы Дузе могла пренебрегать тѣми ничтожными средствами, которые помогаютъ другимъ, она должна давать необыкновенный подъемъ. Для созданія такого же удивительнаго существа, Элеонора Дузе обладаетъ безграничнымъ даромъ воспроизведенія. Другіе сердятся, пугаются, воспаляются и ужасаются. Дузе думаетъ. И только потому, что у

Датскій писатель Германъ Бангъ, гостящій въ Москвѣ.

нея все воспроизводитъ — взглядъ, ротъ, руки, лобъ, каждое движеніе тѣла, она можетъ довольствоваться тѣми маленькими средствами, которыя она имѣетъ. И такъ—въ то время какъ Дузе такъ много или даже большинство приемовъ игры и театра пренебрежительно оставляетъ, игнорируетъ, она владѣетъ новыми приемами, которые основываются на безграничной способности воспроизведенія. Она знаетъ, что говорятъ не только ея тѣло и руки, но даже и то, что у нея въ рукахъ она заставляетъ говорить. Она это знаетъ и этимъ пользуется: какъ никто, она владѣетъ реквизитомъ—роза, платокъ, цѣпочка, она заставляетъ все это говорить. Въ то время, какъ она сама молчитъ и почти неподвижна, она заставляетъ играть неодушевленные предметы. Чтобы вспомнить, какъ неодушевленное въ ея рукахъ какъ бы по волшебству оживаетъ и отражаетъ душевныя движенія, стоитъ только вспомнить о цвѣтахъ, которые она держитъ въ своихъ рукахъ въ сценѣ съ отцомъ Армана. Они казались, когда она еще считала себя счастливой, гордо стремящимися къ небу, эти звѣзды казались растущими на солнцѣ до тѣхъ поръ пока не пришло сомнѣніе, пока не пришелъ страхъ, пока не обманула надежда, тогда они поблекли.

Съ опустившимися столбами, съ поникшими вѣнчиками, они осыпались и увидали въ ея рукѣ, они замерзли и умирли... Дузе, двумя-тремя едва замѣтными движеніями руки, казалось, смела ихъ вѣнчики и передъ нами, они, какъ—будто умирли отъ страданій Маргариты.

Это была такая сила воспроизведенія, которую нельзя разсказать словами, для которой нельзя найти похвалъ, потому что она выше всякихъ похвалъ...

Германъ Бангъ.